

Когда-то — с тех пор прошло уже много лет — я некоторое служил на небольшой железной дороге в русской провинции. Таким покинутым, как там, я никогда себя не чувствовал. По различным причинам, напрямую не относящимся к моему рассказу, я тогда искал именно такое место, так что чем более я был одинок, тем лучше я себя чувствовал, одним словом, я не собираюсь здесь жаловаться. В первое время мне не хватало разве что дела. Эту небольшую дорогу изначально заложили, видимо, для каких-то хозяйственных нужд, но денег не хватило, стройка встала, и, вместо ближайшего поселка Калда в пяти днях езды на автомобиле, дорогу довели до маленькой деревушки в глуши, откуда до Калды был еще целый день пути. И теперь, даже если бы дорогу продлили до Калды, она все равно еще долго была бы нерентабельной, потому что сам план ее устарел, провинции необходимы были автомобильные дороги, но никак не железные, тем более, что в том состоянии, в котором дорога теперь находилась, она вообще не могла более существовать, оба поезда, что проходили по ней ежедневно, перевозили грузы, которые можно было бы перевезти в одном нетяжелом вагоне, а из пассажиров была лишь пара крестьян летом. Но закрыть дорогу не хотели, ибо все еще надеялись, тем, что дорога все еще использовалась, привлечь капитал для дальнейшего строительства. Но и эта надежда была, по моему мнению, не столько надеждой, сколько сомнением и ленью. Дорога функционировала как бы сама по себе, куда имелись в наличии материалы и уголь, жалование двум ее работникам платили нерегулярно и не целиком, будто это были милостивые дары, а вообще же попросту ждали всеобщего развала.

Итак, я работал на этой дороге и занимал избу, которая осталась там еще со времен стройки и одновременно служила станцией. В ней была только одна комната, в которой для меня поставили лежак и бюро для предполагаемых письменных работ, над ним повесили телеграфный аппарат. Когда я приехал туда весной, первый поезд проезжал станцию очень рано — позже это поменяли — и иногда случалось так, что какой-нибудь пассажир приходил на станцию, когда я еще спал. Тогда он, конечно, — а ночи там до самой середины лета были очень прохладными — не оставался стоять на улице, а стучал, я отпирал и мы часто проводили в разговорах целые часы. Я валялся на своем лежаке, мой гость сидел на полу или делал под моим руководством чай, который мы потом пили с полным взаимопониманием. Всех этих деревенских жителей отличает необычайная уживчивость. Я, кстати, заметил, что был не так уж и расположен выносить полное одиночество, не говоря уж о том, что одиночество, которое я наложил на самого себя, уже скоро начало рассеивать прошлые заботы. Я вообще понял, что это хорошее испытание для горя, как долго оно может одолевает человека в одиночестве. Одиночество сильнее всего и оно заставляет вернуться к людям. Естественно, впоследствии пытаешься найти другие пути, на первый взгляд кажущиеся менее болезненными, а на самом деле пока просто неизвестные.

Там я привязался к людям больше, чем думал. Конечно, это нельзя было назвать регулярным общением. Каждая из тех пяти деревень, которые мне следовало бы принять во внимание, находилась на расстоянии в несколько часов ходу как от станции, так и от четырех других. Я не отваживался слишком уж далеко уходить от станции, если не хотел потерять своего места. А этого, по крайней мере в первое время, мне совсем не хотелось. Поэтому я не мог отправиться в сами деревни, а потому был вынужден обходиться общением с пассажирами или людьми, которых не пугал дальний путь и которые навещали меня. Такие люди появились уже в первый месяц, но какими бы дружелюбными они ни были, легко было заметить, что они приходили лишь для того, чтобы, возможно, заключить со мной сделку; да они, впрочем, вовсе и не скрывали своих намерений. Они приносили различные товары и поначалу я обычно покупал, пока были деньги, все без разбору, так мне нравились эти люди, особенно некоторые. Позже я, как бы то ни было, сократил закупки, и среди прочего потому, что начал замечать, что моя манера делать покупки казалась им достойной презрения. Кроме того, я получал продукты и по железной дороге, они, правда, были совсем плохи и куда дороже тех, что приносили крестьяне. Изначально я намеревался разбить небольшой огород, купить корову и таким образом сделаться ото всех по возможности независимым. Я привез с собой садовый инвентарь и семена, земли было более чем достаточно, незасеянная, она простиралась бескрайней равниной вокруг моей избы без малейшего холмика сколько хватало глаз. Но я был слишком слаб, чтобы возделывать эту землю. Упрямая почва, до самой весны оставшаяся промерзшей, не поддавалась даже моей новой острой мотыге. Все, что в нее сеялось, пропадало. Во время этой работы со мной случались приступы отчаяния. Тогда я дни напролет проводил на своем лежаке и даже не выходил к прибывающим поездам. В таких случаях я только высовывал голову из люка, который был проделан прямо над лежаком, и объявлял, что болен. Тогда ко мне, чтобы согреться, заходили люди из поезда, их было трое, но много тепла найти они бы и не смогли, потому что я старался по возможности не пользоваться старой, железной печью, которая легко могла взорваться. Я чаще кутался в старое теплое пальто и накрывался разными шкурами, которых постепенно много накопил у крестьян. «Ты часто бываешь болен», — говорили они мне, — «ты болезненный человек. Тебе отсюда уже не выбраться». Они говорили это не для того, чтобы расстроить меня, а пытались всегда, когда это только было возможно, рубить правду. Обычно они делали это, на особый манер выпучив глаза.

Раз в месяц, но всегда в разное время приезжал инспектор, чтобы проверить мою записную книгу, забрать выручку и — этого, правда, уже давно не было — выплатить мне жалование. О его приезде мне всегда накануне сообщали люди, высадившие его на предыдущей станции. Эти извещения они считали великой милостью, которую они только могли мне оказать, хотя у меня и так все всегда было в порядке. Впрочем, это не составляло ни малейшего труда. Но и инспектор каждый раз заходил на станцию с такой миной, будто в этот раз ему непременно придется изобличить мою безалаберность. Дверь избы он всегда открывал коленом и при этом уставлялся на меня. Стоило ему открыть мою книгу, как он находил ошибку. Требовалось еще много времени, пока мне удавалось с помощью повторного расчета у него на глазах доказать ему, что не я, а он сам ошибся. Он постоянно был недоволен выручкой, затем он громко хлопал по книге и снова пристально смотрел на меня. «Нам придется закрыть дорогу», — говорил он каждый раз. — «К этому все и идет», обыкновенно отвечал я.

По завершении ревизии наши отношения менялись. У меня всегда была подготовлена на такой случай водка и какой-нибудь деликатес. Мы пили за здоровье друг друга, он пел довольно сносным голосом, но всегда только две песни, одна была грустной и начиналась так: «Куда идешь ты, малое дитя, по лесу?», а вторая — веселой и начиналась так: «Веселые ребята, я к ним принадлежу!» В зависимости от настроения, в которое у меня получалось его ввести, он выплачивал мне часть жалования. Но я наблюдал за ним намеренно только в начале таких встреч, потом мы и вовсе сходились, бесстыдно ругали руководство, он шептал мне на ухо тайные обещания о повышении, которое он для меня выхлопочет, и наконец мы оба падали на лежак в объятиях, которые не разжимали часто часов по десять. На следующее утро он снова уезжал моим начальником. Я стоял перед поездом и отдавал честь, он обычно поворачивался ко мне еще раз, заходя в вагон, и говорил: «Итак, друг мой, увидимся через месяц. Ты знаешь, что для тебя поставлено на карту». Я до сих пор вижу его с трудом повернутое ко мне, распухшее лицо, на этом лице всему было тесно, щекам, носу, губам.

Это было единственное значительное развлечение в месяц, после которого я давал себе волю; если по ошибке оставалось немного водки, то я выпивал ее сразу после отъезда инспектора, часто я еще слышал сигнал к отправлению поезда, когда она уже бурлила внутри меня. Жажда после такой ночи была ужасной; как будто во мне находился еще один человек, который выставлял из моего рта голову и горло и требовал чего-то, годного для питья. Инспектор всегда возил с собой большой запас спиртного, он был обеспечен, а я вынужден был довольствоваться остатками.

Но после я целый месяц совсем не пил и не курил, я выполнял свою работу и не испытывал никаких других желаний. Как я уже говорил, ее было немного, но я выполнял ее тщательно. К примеру, в мои обязанности входило ежедневно очищать и проверять рельсы на расстоянии в километр направо и налево от станции. Но я не придерживался этого предписания и часто уходил гораздо дальше, так далеко, что едва видел станцию. В ясную погоду это было возможно на расстоянии в 5 км, местность была абсолютно ровная. Когда же я был так далеко, что изба уже лишь казалась мне вдали, у меня перед глазами вследствие обмана зрения иногда возникали черные точки,двигающиеся к избе. Это были целые отряды, целые толпы. Иногда и вправду кто-то приходил, тогда приходилось бежать всю дорогу назад, размахивая киркой.

К вечеру я заканчивал с работой и окончательно уходил в избу. Обычно в это время никто не приходил, потому что обратный путь в деревню ночью был не вполне безопасен. В этой местности обретался разный сброд, но это были не местные, одни сменяли других, в любом случае, они потом возвращались. Большинство из них я сам видел, одинокая станция их привлекала, они вообще-то были не так уж и опасны, но обходиться с ними следовало строго.

Они были единственными, кто мешал мне долгими вечерами. А так, я лежал и не думал ни о прошлом, ни о дороге, следующий поезд проходил только между 10 и 11 часами вечера, короче говоря, я не думал ни о чем. Время от времени я читал одну старую газету, которую мне бросили из поезда, в ней описывались скандальные истории из Калды, которые, вероятно, и могли меня заинтересовать, но из одного-единственного номера понять их я не мог. Кроме того, в каждом номере было продолжение романа, который назывался «Мсть командира». Этот командир, который всегда носил на поясе кинжал, а один раз даже зажал его в зубах, однажды мне приснился. В остальном, я не мог долго читать, потому что быстро темнело, а керосин или сальные свечи были невероятно дороги. От дороги я получал в месяц только 1/2 литра керосина, который расходовал задолго до окончания этого срока на то, чтобы хотя бы вечером поддерживать сигнальный огонь для поезда. Но этот свет вообще-то был совсем не нужен, так что потом я и вовсе перестал зажигать его, по крайней мере, лунными ночами. Я совершенно верно предвидел, что после лета мне срочно понадобится керосин. Поэтому в углу избы я выкопал яму, установил в ней старый пивной бочонок и каждый месяц сливал туда сэкономленный керосин. Все это было прикрыто соломой и никто ничего не замечал. Чем больше в избе воняло керосином, тем довольнее я был; а вонь была такой сильной оттого, что это была бочка из старого ветхого дерева, которое пропиталось керосином. Потом я из предосторожности закопал бочку снаружи, потому что однажды инспектор хвастался передо мной коробкой восковых спичек и бросал их, когда я попросил посмотреть, поджигая одну за другой в воздух. Мы оба, и особенно керосин, были в реальной опасности, я спас ситуацию, начав душить его, пока он не выпустил спички из рук, все до единой.

В свободные часы я часто думал о том, как я мог сделать запасы на зиму. Если я уже теперь, в теплое время года, мерз — а было, как говорили, теплее, чем много лет подряд — зимой мне придется туго. То, что я копил керосин, было лишь причудой, мне следовало бы сделать к зиме более серьезные запасы; в том, что руководство обо мне особо заботиться не будет, сомнений не оставалось, но я был слишком легкомысленным, вернее, не легкомысленным, но я сам слишком мало для себя значил, чтобы в этих обстоятельствах взять на себя какой-либо труд. Сейчас, в теплое время года, мне жилось еще терпимо, так что я ограничился этим и ничего более не предпринимал.

Кроме прочего в работе на станции меня привлекала возможность охотиться. Мне сказали, что это необычайно богатая дичью местность, так что я даже озабочился покупкой оружия, которое планировал получить посылкой, когда скоплю немного денег. Теперь же оказалось, что дичи, на которую можно было бы охотиться, тут нет и следа, можно было встретить только волков и медведей, но в первые месяцы я их не видел, а кроме того здесь были своеобразные большие крысы, которых я сразу заметил, так как они, словно гонимые ветром, большими стаями носились по степи. Но дичи, которую я предвкушал, не было. Люди меня не обманули, богатая дичью местность была, только в трех днях пути, — я не принял во внимание того, что представления о расстояниях в этих на сотни километров не населенных землях обязательно будут не вполне точными. В любом случае, оружие мне покамест было не нужно и я мог потратить деньги на что-то другое; однако к зиме оружием нужно было обзавестись и я регулярно откладывал на это деньги. Для крыс, которые иногда делали набеги на мой провиант, хватало моего длинного ножа. В первое время, когда я еще с любопытством хватался за все, я наколол одну такую крысу и пригвоздил ее к стене на уровне глаз. Небольших животных можно рассмотреть как следует, только если держать их на уровне глаз; когда склоняешься к ним на земле и разглядываешь их там, получаешь о них ложное, неполное представление. Самым примечательным в этих крысах были когти, огромные, изогнутые, заостренные на концах, они прекрасно подходили для рытья. В агонии она, как будто против своей природы, до предела вытянула когти, они были похожи на маленькую ручку, протянутую к кому-то. В общем-то эти звери мало мне досаждали, только по ночам они иногда будили меня, когда неслись мимо моей избы, топая по твердой земле. Если я в такие моменты садился в кровати и зажигал спичку, то где-то в щели под косяком видел пару лихорадочно работавших крысиных когтей. Это была совершенно бессмысленная работа, потому что для того, чтобы вырыть достаточно большую для нее дыру, крысе следовало бы трудиться целыми днями, а она скрывалась, как только начинало светать, несмотря на это она трудилась, как рабочий, видящий перед собой цель. И ей кое-чего удавалось добиться, хотя из этой дыры летели лишь крошечные комья земли, но, судя по всему, когти никогда не использовались впустую. По ночам я подолгу наблюдал за ней, пока однообразность и размеренность этой картины не усыпляла меня. После у меня уже не было сил погасить огонь и спичка еще некоторое время светила крысе в ее работе. Одной теплой ночью, когда я снова услышал, как работают когти, я аккуратно, не зажигая огня, вышел наружу посмотреть на самого зверя. Крыса глубоко опустила голову с острой мордой, засунув ее почти между передними лапами, чтобы как можно ближе подобраться к древесине и как можно глубже засунуть когти под дерево. Можно было подумать, будто кто-то в хижине крепко держал ее за когти и хотел втянуть внутрь всего зверя, так она была вся напряжена. И вдруг все кончилось одним махом, когда я убил зверя. Бодрствуя, я не мог потерпеть, чтобы на мою избу, которая также была всем моим имуществом, кто-то совершил нападение.

Чтобы обезопасить избу от этих крыс, я заткнул все дыры соломой и паклей и каждое утро проверял землю вокруг. Я также намеревался покрыть досками пол хижины из утрамбованной земли, что также было бы не лишним в холода. Один крестьянин из соседней деревни по

имени Екоц давно обещал мне принести для этих целей хороших просушенных досок, я много раз принимал его у себя в счет этого обещания, да он и не заставлял себя долго ждать, а приходил каждые 14 дней, иногда отправлял по железной дороге посылки, но досок не приносил. Он придумывал разные отговорки, чаще всего, что он слишком стар, чтобы тащить такой груз, и что его сын, который принесет доски, как раз теперь занят работой в поле. Екоцу, по его словам, и это было похоже на правду, было больше 70 лет, но он был высоким, еще очень сильным мужчиной. Кроме того, он все время менял историю и в другой раз говорил о том, как трудно достать такие длинные доски, какие мне были нужны. Я не настаивал, доски мне были нужны не срочно, Екоц сам навел меня на мысль покрыть пол, может быть, это было вовсе не так уж и нужно, короче говоря, я спокойно мог выслушивать ложь старика. Я обыкновенно приветствовал его: «Доски, Екоц!» Он тут же начинал лепетать извинения, называл меня инспектором или капитаном, или даже телеграфистом, он обещал мне не только скоро принести доски, но и, с помощью своего сына и нескольких соседей разобрать всю мою избу и вместо нее построить настоящий дом. Я слушал пока не уставал и не выставлял его за дверь. Но даже в дверях, чтобы выпросить прощения, он поднимал свои будто бы слабые руки, которыми на самом деле мог раздавить взрослого мужчину. Я знал, почему он не приносил доски, он думал, что когда будет приближаться зима, доски мне будут нужнее и я заплачу за них больше, кроме того, пока не было досок, он значил для меня больше. Разумеется, он был неглуп и знал, что мне известны его мотивы, но видел преимущество в том, что я не использую эти знания, и берег его.

Однако все свои меры, чтобы защитить избу от этих зверей и подготовиться к зиме, я был вынужден прекратить, когда я — приближался к концу первый квартал моей службы — серьезно заболел. В течение многих лет до этого все болезни, даже легкие недомогания, обходили меня стороной, на этот раз я заболел. Все началось с сильного кашля. На расстоянии около двух часов пути от станции был небольшой ручей, из которого я в бочке обычно возил запас воды на своей тачке. Я также часто купался в нем и кашель был результатом этого. Приступы кашля были такими сильными, что во время кашля я сгибался пополам, я думал, что не смогу противостоять кашлю, если не скорчусь и таким образом не соберу все силы. Я думал, кашель отпугнет рабочих с поезда, но он был им знаком, они называли его волчьим кашлем. С тех пор мне казалось, что я слышу в кашле вой. Я сидел на лавке перед избой и воем приветствовал поезд, воем же сопровождал его отправление. По ночам я не ложился, а стоял на лежаке на коленях и прижимался лицом к шкурам, чтобы хотя бы не слышать воя. Я напряженно ждал, что разрыв какого-нибудь важного кровеносного сосуда положит всему этому конец. Но ничего подобного не происходило, а через несколько дней кашель и вовсе прошел. Но жар остался и никак не проходил.

Этот жар обессилил меня, я больше не мог бороться с ним, случалось даже, что у меня на лбу ни с того ни с сего выступал пот, все тело охватывала дрожь и мне необходимо было лечь, где бы я ни был, и ждать, пока восстановятся силы.